

В. Я. Решетников*, В. В. Семёнов**

Использование полиграфа и права человека на предварительном следствии

Проблема использования современных научно-технических средств в процессе расследования преступлений тесно связана с проблемой нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, во многом обусловленной «мифами» о нарушении прав человека при проведении психофизиологических исследований с использованием полиграфа (далее – ПФИ). Причем сторонники подобной точки зрения абсолютно игнорируют основополагающий, методически обусловленный принцип его применения – принцип добровольного согласия, личной заинтересованности и инициативы любого обследуемого независимо от его процессуального статуса в подобном исследовании.

Как известно, вся деятельность органов следствия и суда должна быть направлена на установление объективной истины по каждому уголовному делу, ведь только в этом случае задачи уголовного судопроизводства могут быть выполнены в полном объеме. Применительно к процессу доказывания «объективная истина» ограничивается сугубо практическими целями – установить лицо, виновное в совершении преступления, и привлечь его к уголовной ответственности либо установить невиновность данного лица. Для достижения поставленных целей наряду с объективными средствами доказывания используются в значительной мере субъективные личностные источники доказательственной информации (показания потерпевшего,

* Доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.

** Старший эксперт отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области, кандидат юридических наук.

свидетеля, подозреваемого и т. п., нередко подверженных влиянию лиц, противодействующих расследованию). Не секрет, что не все участники процесса расследования стремятся к подлинному сотрудничеству со следствием, в скрытой или явной форме оказывая сопротивление работе следователя по установлению истины.

Для подозреваемого и обвиняемого допрос выступает одним из способов защиты от подозрения или предъявленного обвинения. Они вообще не обязаны давать показания и не несут ответственности за дачу ложных показаний (ст. 46, 47 УПК РФ). По сути, для них отказ от дачи показаний либо дача заведомо ложных показаний — это правомочия предоставленного им права на защиту, которые они вольны реализовать в любой момент следствия.

В отношении лиц, обладающих специальными знаниями (эксперта, специалиста), закон устанавливает уголовную ответственность (ст. 307 УК РФ) за сообщение ими заведомо ложных сведений на допросе по вопросам, относящимся к их компетенции. В отношении указанных процессуальных фигур проблема получения достоверных показаний, учитывая их незначительный объем в общей массе показаний, стоит не слишком остро¹.

Наиболее жесткие меры правового воздействия за отказ от дачи показаний либо за сообщение заведомо ложных показаний предусмотрены в отношении свидетеля и потерпевшего (ст. 307, 308 УК РФ). Их показания по многим уголовным делам, если не по большинству из них, являются наиболее массовым источником сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Однако, как свидетельствуют результаты некоторых исследований и анализ судебно-следственной практики, указанные правовые меры не всегда обеспечивают получение правдивых показаний. Так, исследование, проведенное А. И. Жилиевым, показывает, что, несмотря на то, что подавляющее число граждан (около 90 %) считают себя честными людьми, более половины из них (почти 63 %) готовы лжесвидетельствовать ради родственников, 47 % — ради друзей, 35 % — ради близкого человека. Около 80 % граждан в принципе относятся к обязанностям свидетеля негативно. Среди причин лжесвидетельства преобладают жалость и сострадание².

Еще одной серьезной причиной лжесвидетельства является подкуп или прямое запугивание со стороны адвоката, родственников и знакомых обвиняемого или самого обвиняемого, если в отношении него избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы. В этой ситуации свидетель и потерпевший оказываются перед выбором: либо быть привлеченным к уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ, либо поплатиться жизнью и здоровьем. Желая сохранить и то и другое, здравомыслящий человек или меняет показания в пользу обвиняемого, или отказывается от дачи показаний, мотивируя свое поведение причинами, далекими от истины.

Установить и тем более доказать факт лжесвидетельства с помощью традиционных приемов ведения следствия достаточно сложно. Общими для большинства исследований, посвященных проблемам выявления и разоблачения ложных показаний, являются предлагаемые в той или иной форме рекомендации по осуществлению криминалистического анализа полученных показаний на предмет оценки

¹ Сказанное в большей степени относится к фигуре эксперта, выступающего традиционным участником уголовного судопроизводства. Специфику же активности специалиста на следствии сложно оценить, учитывая существенную противоречивость законодательной регламентации его процессуального статуса.

² См.: Жилиев А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших. Н. Новгород, 2002. С. 12, 15, 20.

их полноты и достоверности, а также по оказанию психологического воздействия на допрашиваемого, цель которого заключается в преодолении его внутренних защитных барьеров, «скрывающих» искомую информацию¹. В основе этих приемов лежит умелое и целенаправленное маневрирование следователем имеющимися в его распоряжении сведениями и информационными возможностями.

Однако нередко в ходе расследования складываются такие ситуации, когда подобное маневрирование весьма затруднительно в силу крайне ограниченного числа источников получения информации по делу. Например, при расследовании изнасилований, особенно, если событие преступления удалено во времени от момента обращения потерпевшей в правоохранительные органы, главным, а иногда и единственным источником информации о случившемся являются показания участников события. Изменение или отказ от ранее данных показаний в этой и подобных ей ситуациях способны привести к развалу дела и уходу от ответственности лиц, виновных в совершении преступления. В данном случае особенно остро встает проблема объективизации полученных ранее показаний, предотвращения свободного отказа от них в дальнейшем.

Сам термин «объективизация», предложенный в свое время профессором М. Б. Вандером, очень точно отражает суть тех изменений, которые должен претерпеть источник доказательственной информации для обеспечения ее устойчивости и сохранности. Объективизировать доказательства и, как частный случай, полученные ранее показания, — значит, реализовать некий комплекс действий и средств процессуального и технического характера, за счет которых в последующем исключается либо заметно снижается влияние на их содержание и доказательственное значение каких-либо субъективных и иных факторов (необоснованная деауация, опровержение, фальсификация, подмена и т. п.)². Объем первоначально полученной информации при этом может и не измениться, более того, некоторые ранее полученные сведения могут не найти подтверждения, но в остальной своей части фактические данные за счет объективирующей деятельности следователя приобретают дополнительную форму хранения, «новую оболочку», предотвращающую содержание доказательств от выхолащивания. Объективизация, таким образом, позволяет сформировать систему доказательств, в которой возможность изменения показаний в значительной степени сдерживается другими соответствующим образом закрепленными фактическими данными.

Тем не менее, видимо, следует говорить о различных уровнях, или степенях, объективизации. Не всегда комплекс предпринятых следователем мер обеспечивает доказательственной информации полностью гарантированную сохранность. Чаще удается лишь усилить устойчивость тех или иных сведений, содержащихся в материалах дела, повысить их иммунитет к воздействию опровергающих версий, но не обеспечить абсолютную защиту. Однако формируемая в процессе объективизации совокупность доказательств, подтверждающая существование тех или иных фактов сведениями из различных источников, заметно усиливает возможность установления истины по делу.

¹ См., напр.: *Баев О. Я.* Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж, 1992. С. 98–105; *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса : учеб.-практ. пособие. М., 2001; *Филонов Л. Б.* Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М., 1979; *Хайдуков Н. П.* Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984 и др.

² См.: *Вандер М., Исаенко В.* Объективизация и защита доказательств по уголовным делам // Законность. 1996. № 10. С. 2.

Одним из направлений, связанных с использованием в борьбе с преступностью современных достижений науки и техники, и, очевидно, имеющим большой потенциал в плане объективизации ранее полученных показаний, является метод исследований с использованием полиграфа.

Говоря о возможности использования полиграфа для задач расследования, следует иметь в виду именно объективизацию доказательств, а не простое ориентирование работников следствия и дознания в вопросах достоверности информации, сообщаемой тем или иным лицом, установление его причастности к расследуемому событию и т. д. Иначе говоря, задача определения достоверности ранее сообщенной информации может быть не просто решена с использованием полиграфа, но решена в соответствующей процессуальной форме, каковой, на наш взгляд, является форма судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (далее – ПФЭ).

В некотором приближении можно говорить, что по результатам ПФЭ участники судопроизводства производят «сверку», или сравнение содержания информации, запечатленной в идеальных следах, хранящихся в памяти субъекта, выявленной в ходе ПФЭ, с содержанием той информации, которая была сообщена им в ходе допроса и иных следственных действий. Результаты ПФЭ отражаются в заключении эксперта-полиграфолога, приобретая тем самым статус доказательств по уголовному делу.

Конечно, любые показания содержат в себе информацию о множестве обстоятельств, характеризующих явления и процессы, сопутствующие расследованию преступления. Все они не могут быть оценены с использованием полиграфа. Независимо от формы проведения, любое исследование на полиграфе имеет ряд ограничений, в частности, связанных с продолжительностью подобных исследований (не более 2–3 часов). Это делает физически невозможной проверку всех нюансов, содержащихся в показаниях субъекта. Поэтому перед экспертом должны ставиться вопросы, касающиеся только важнейших, ключевых аспектов показаний проверяемого лица.

В сферу исследований на полиграфе могут быть включены показания любых участников уголовного судопроизводства. Причем его применение имеет смысл не только в случае возникновения сомнений в достоверности полученных показаний. Тактически верным подобное исследование может оказаться и в ситуации, когда участник уголовного процесса сотрудничает со следствием. В этом случае результаты ПФЭ, подтверждающие ранее данные лицом показания, с одной стороны, служат дополнительным способом закрепления и объективизации полученных от него сведений в материалах дела, а с другой – усиливают его позицию и являются косвенным свидетельством ложности показаний других лиц по тем же обстоятельствам.

Так, в ходе расследования уголовного дела № 406733, возбужденного по признакам преступлений, предусмотренных ст. 131 ч. 3 п. «а», 132 ч. 3 п. «а» УК РФ, совершенных в отношении несовершеннолетней Е., на начальном этапе расследования в отношении потерпевшей была проведена ПФЭ, в ходе которой была получена информация, не только подтверждающая сам факт совершения указанных преступлений группой лиц в отношении Е. (что само по себе было немаловажно, т. к. с момента окончания совершения в отношении Е. преступных действий до момента обращения ее родителей в правоохранительные органы прошло несколько месяцев, и никаких материальных свидетельств произошедшего, естественно, практически не сохранилось), но и позволяющая обоснованно полагать, что указанные преступления носили неоднократный и длительный характер. К этому моменту факт совершения преступлений подтверждался лишь показаниями самой потерпевшей, ее родителей и близких, которым она рассказала о произошедшем перед обращением

в правоохранительные органы. Лица же, на которых потерпевшая указывала как на преступников, факт наличия каких-либо сексуальных контактов с Е. отрицали полностью, более того, в своих показаниях всячески старались дискредитировать Е., сформировать впечатление о ее аморальности, лживости, неполноценности ее психического развития. Позднее ПФЭ была проведена в отношении Т., одного из фигурантов дела, находившегося к тому моменту в процессуальном статусе свидетеля, остальные лица, на которых указывала Е., от участия в ПФЭ отказались под различными предлогами. Результаты экспертизы, проведенной в отношении Т., несмотря на явное противодействие, которое он демонстрировал по ходу всего исследования, с высокой долей вероятности свидетельствовали о его причастности к совершению указанных преступлений в отношении Е. После этого производство дела было передано из межрайонного следственного отдела в отдел по расследованию особо важных дел следственного управления по Саратовской области. Следователю, за счет умелого использования собранных доказательств, удалось получить от нескольких фигурантов дела признательные показания в совершении преступлений, а также показания, изобличающие иных соучастников. При рассмотрении дела в областном суде, несмотря на все попытки подсудимых и их адвокатов дезавуировать доказательства их вины, суд учел собранные доказательства, в том числе результаты ПФЭ, при постановлении приговора и приговорил виновных к длительным срокам заключения.

Получение от обследуемого добровольного согласия на участие в ПФЭ признается сегодня обязательным и необходимым условием проведения исследования. Считается, что отказ от участия в ПФЭ не должен восприниматься как «акт самоизобличения»¹. Как бы то ни было, получение осознанного, а не формального согласия на участие в проверке на полиграфе является методически необходимой частью тестирования, поскольку в противном случае не удастся получить адекватной картины реакций на предъявляемые стимулы. Практика показывает, что лица, сотрудничающие со следствием и искренне стремящиеся подтвердить свою позицию, независимо от своего процессуального статуса, как правило, после ознакомления с порядком и целями процедуры тестирования не испытывают больших сомнений, соглашаясь на участие в исследовании. Обратная картина чаще всего наблюдается в ситуации иного рода, когда лицо, дающее ложные показания, опасаясь разоблачения, отказывается от подобного предложения. Иногда преступник, не отказываясь от самой процедуры тестирования, занимает половинчатую позицию, либо открыто заявляя, что будет отвечать не на все поставленные вопросы, либо, формально соглашаясь на тестирование в полном объеме, по ходу его начинает демонстрировать признаки противодействия, способы которого не являются большим секретом².

С процессуальной точки зрения отказ от процедуры ПФЭ или явные попытки противодействия его нормальному ходу не могут рассматриваться как прямое доказательство неискренности человека. Но и абсолютного профессионального равнодушия данные факты, на наш взгляд, также вызывать не должны. В связи с этим излишне категоричным выглядит мнение о том, что «отказ от испытания (на полиграфе. — В. Р., В. С.) не может ни в какой форме толковаться во вред допрашиваемому»³.

¹ См.: Комиссарова Я. В., Килессо Е. Г., Перч В. О. Криминалистика + Криминалисты = Опыт борьбы с преступностью. М., 2005. С. 55.

² Множество «надежных рекомендаций» по этому поводу можно найти, например, в сети Internet.

³ Пертли В. А. Получение информации с помощью полиграфа: аспекты проблемы // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью:

Рассматривая понятие вреда в широком смысле, как любые неблагоприятные для субъекта последствия, мы считаем, что такая позиция применима только к процессуальной стороне дела. Следует помнить, что процесс расследования сопровождается деятельностью по сбору не только доказательственной, но и ориентирующей информации по делу. Взвешенная оценка решения субъекта об отказе прохождения проверки на полиграфе, его показного неисполнения правил поведения при тестировании, стремления игнорировать полученные результаты исследования, способна предоставить следствию большой материал для решения многих практических задач при выдвижении следственных версий, выборе тактических приемов, построении планов проведения дальнейших следственных действий.

Востребованность ПФЭ как метода объективизации сведений, полученных при допросе и производстве иных следственных действий, подтверждается, на наш взгляд, правоприменительной практикой. Одной из правоохранительных структур, где наиболее активно и последовательно проводится работа по использованию и укреплению методической базы деятельности экспертов-полиграфологов, активизации их участия в процессе расследования уголовных дел, является Следственный комитет России (далее — СК России).

По состоянию на начало 2013 г. в отделах криминалистики 80 территориальных следственных управлений и 5 следственных управлений на транспорте деятельность по производству ПФЭ осуществляют 109 штатных экспертов. Организационно-методическое обеспечение их деятельности входит в обязанности отдела психофизиологических исследований на полиграфе, созданного в 2012 г. в Главном управлении криминалистики СК России. За 2012 г. экспертами СК России по результатам проведенных исследований выдано более 5300 заключений специалиста и эксперта по уголовным делам. При этом из общего числа исследований каждое третье проводилось в отношении подозреваемых или обвиняемых, каждое восьмое — в отношении потерпевших и более 60 % — в отношении свидетелей по уголовным делам.

Несмотря на многогранность судебной практики, заметное усиление профессионального противостояния экспертам-полиграфологам со стороны адвокатов в ходе предварительного расследования и в судебных заседаниях, в том числе за счет привлечения ими соответствующих специалистов, статистические данные свидетельствуют о медленном, но верном повышении процессуального значения результатов ПФЭ в современной судебно-следственной практике. В 1675 случаях (рост по сравнению с 2011 г. составил 31 %) результаты исследований использованы следователями при принятии процессуальных решений, в 233 случаях (+4,3 %) — учтены судом при постановлении приговоров¹.

Защита прав и законных интересов человека, будь то подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель, — это основная концептуальная идея действующего УПК РФ. Следователь, учитывая эту аксиому, должен применять весь комплекс норм закона, связанных с собиранием доказательств таким образом, чтобы эффективное применение современных научно-технических средств и методов получения информации не приводило к нарушению установленных Конституцией РФ и другими нормативными актами прав граждан.

материалы междунар. науч.-практ. форума / под ред. В. Н. Хрусталева, Л. Н. Иванова. Саратов, 2006. С. 35. Терминология автора нами сохранена, хотя, конечно, разговор о «допросе с использованием полиграфа» в настоящее время — это откровенный научный рудимент.

¹ См.: Обзор практики проведения в 2012 г. психофизиологических исследований с использованием полиграфа в Следственном комитете Российской Федерации : информационное письмо СК России № 246/1-19003-13/4271 от 27 мая 2013 г.